

колай Михайлович, который, как сказано, обитал тут же, во флигеле, но отношения которого с сестрой испортились все из-за того же куманинского наследства. Зная Марию Николаевну воспоминательница говорит о ее сильном характере (сходном с характером тетки – В.М. Карепиной), о болезненной любви ее к единственному ребенку (тоже теткина черта: вспомним «племянника моего» Саню Карепина, не отпускаемого без бонны в университет), о деспотической ее власти над мужем. Последний, кстати, занимал довольно высокий пост директора департамента Министерства путей сообщения. М.В. Волоцкой глухо сообщает, что до Октябрьской революции Мария Николаевна была «очень зажиточна». О причинах ее смерти в 1921 г. он говорит столь же лапидарно: «от воспаления легких и крайнего истощения вследствие пережитых материальных лишений и голода». Муж, М.Д. Ставровский, умрет годом раньше. Оба родителя переживут свою единственную дочь, которую Мария Николаевна так страшилась потерять. Александра Максимилиановна, девушка, по отзывам современников весьма одаренная (особенно как живописец), умрет в возрасте двадцати восьми лет, не оставив потомства.

Прерываются и линии еще двух детей Александры Михайловны.

Зато ее младший сын Николай Николаевич, служивший в Кронштадте морским врачом, окажется плодовит. Сам он умрет в сорок шесть. Его первенец Дмитрий, саперный офицер, будет расстрелян в 1919 г. в возрасте двадцати двух лет. В этом же возрасте туберкулез – наследственная болезнь Достоевских – унесет второго сына, Георгия (1925). Еще один внук Александры Михайловны, Владимир Николаевич, по профессии инженер, доживет до 1935 г., чтобы сгинуть в ГУЛАГе. Таким образом, два представителя фамилии Голеновских станут прямыми жертвами послеоктябрьского террора.

Последняя из Голеновских, Ирина Николаевна, окажется долгожительницей – встретит свои восемьдесят шесть. Она проживет, как принято говорить, *незаметную жизнь* (впрочем, об этом судить не нам), трудясь «простой машинисткой» и стесняясь того, что не получила образования (редкий для рода, к которому она принадлежит, случай). После гибели братьев у нее не окажется родных. «Боясь жить», она останется бездетной и одинокой. Для нее естественно – не привлекать внимания, *стушеваться*, остаться в тени. Она робеет даже в среде музейщиков, всегда готовых приветить внуку родной сестры Достоевского. Ее страшит мысль, что старорусский музей намеревается заплатить ей за доставшуюся от родителей семейную скатерть: «Мне будет просто неприятно, если вы пришлете мне деньги». Когда в 1991 г. она умрет, соседи по питерской коммуналке захватят комнату и выбросят немемориальные вещи покойной на свалку.

Линия рода, идущая от «подполковницы» Александры Михайловны, тихо угаснет в тот же год, когда перестанет существовать большая, породившая ее гениального брата страна.